

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 821.161.1-31(Салтыков-Щедрин М. Е.)+37.013

Помелов Владимир Борисович,

SPIN-код: 2781-4798

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института педагогики и психологии, Вятский государственный университет, Российская Федерация, г. Киров, vladimirpomelov@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА. *К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ*

Аннотация. Выдающийся русский писатель-сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889) интересовался вопросами образования подрастающего поколения. Этот интерес впервые нашёл своё художественное отражение в содержании его повести «Запутанное дело» (1848), после опубликования которой он был отправлен в вятскую ссылку (1848–1855). Годы пребывания в губернском городе Вятка, служба в канцелярии губернатора и постоянные командировки дали ему возможность близко познакомиться с жизнью, бытом, материальными и духовными запросами горожан, мелкопоместного дворянства, купечества и крестьян. Характеристика воспитания и обучения провинциального населения составляет важный аспект его творческого наследия. Особое внимание писатель уделил показу того, как разрешался этот вопрос в 1860–1870-е гг. в пореформенной России в произведениях «Пошехонская сторона», «Мелочи жизни» и «Губернские очерки» и др. При этом писатель, который не работал в сфере образования, сосредоточился на характеристике, прежде всего, общественных условий, в которых оказывались стремящиеся к получению образования герои его произведений. Целью статьи является характеристика особенностей отражения проблемы воспитания и образования в творчестве писателя. Обращение автора статьи к данной теме обусловлено 200-летием со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; М. Е. Салтыков-Щедрин; Вятская ссылка; мужские гимназии; провинции; провинциальное население; воспитание провинциального населения; обучение провинциального населения

Pomelov Vladimir Borisovich,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy of Institute of Pedagogy and Psychology, Vyatka State University, Russia Federation, Kirov

THE PROBLEM OF EDUCATION AND TRAINING IN THE WORKS OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN. *ON THE 200TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTH*

Abstract. Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin (1826–1889), a prominent Russian satirical writer, was interested in the education of the younger generation. This interest was first reflected in his novel “The Confused Case” (1848), which was published after he was exiled to Vyatka (1848–1855). During his years in the provincial city of Vyatka, where he served in the governor’s office and

was constantly on business trips, he had the opportunity to closely observe the lives, customs, and material and spiritual needs of the city's residents, including the small-landed nobility, merchants, and peasants. The characterization of the upbringing and education of the provincial population is an important aspect of his creative legacy. The writer paid special attention to showing how this issue was resolved in the 1860s and 1870s in post-reform Russia in his works "The Poshehonye Country-side", "The Trifles of Life", "The Gubernian Essays", and others. However, the writer, who did not work in the field of education, focused primarily on describing the social conditions faced by the characters in his works who sought education. The purpose of this article is to characterize the features of the reflection of the problem of upbringing and education in the writer's works. The author's article on this topic is dedicated to the 200th anniversary of Mikhail Saltykov-Shchedrin's birth.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres; literary plots; M. E. Saltykov-Shchedrin; Vyatka exile; boys' gymnasiums; provinces; provincial population; education of the provincial population; training of the provincial population

Введение. Педагогический аспект творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) в дооктябрьский период крайне редко становился предметом рассмотрения отечественных исследователей – литераторов и педагогов [Ашевский, 1913]. Такая тенденция сохранялась и в последующее время. Из современных публикаций можно выделить статью О. Г. Егорова, в которой автором исследуется своеобразие педагогического наследия писателя; в его произведениях показаны, как выражается автор, три уровня педагогики: домашнее воспитание, школа и государственная система образования, а также рассмотрены три сферы интересов писателя: образование, воспитание и литература для детей [Егоров, 2012]. В статье О. А. Поляковой анализируется художественная реализация М. Е. Салтыковым-Щедриным своих педагогических воззрений, и характеризуется воплощение им детской темы в раннем произведении «Губернские очерки», содержательно базирующемся на воспоминаниях о периоде пребывания писателя в ссылке в Вятке [Полякова, 2024]. И. Б. Павлова раскрывает тему семьи и рода в

произведениях Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи [Павлова, 1999].

Известный кировский (вятский) краевед Е. Д. Петряев в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке» показал, что в творчестве Михаила Евграфовича нашли отражение вятские реалии, свидетелем которых он был в вятской ссылке в период с 7 мая 1848 г. по 24 декабря 1855 г. [Петряев, 1975]. Е. А. Скоробогатова [2015] и Е. Ю. Шестакова [2006] раскрывают тему воспитания детей, дают анализ детских образов в творчестве Салтыкова-Щедрина.

В предлагаемой вниманию читателей статье автор ставит своей целью охарактеризовать особенности отражения проблемы воспитания и образования в творчестве писателя. Также автор стремится дать ответ на вопрос, почему эта проблема не нашла какого-либо отражения в произведениях, повествующих о годах вятской ссылки.

15 (27) января 2026 г. исполнилось 200 лет со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этим объясняется обращение автора статьи к данной теме.

Материалы и методы. В статье используется аксиологический научно-исследовательский метод, позволяющий выявить самое ценное в наследии М. Е. Салтыкова-Щедрина, имеющее отношение к воспитанию и обучению подрастающего поколения, метод исторического анализа и метод работы с литературными источниками и первоисточниками.

Результаты исследования. Вопрос воспитания и подготовки к жизни подрастающего поколения глубоко занимал М. Е. Салтыкова-Щедрина, и нашёл освещение в целом ряде его произведений. Великий русский писатель-сатирик не был педагогом в непосредственном смысле слова, т. е. он не работал школьным учителем или университетским преподавателем, не писал специальных педагогических трудов, но, тем не менее, он отразил в своих трудах *некоторые* важные аспекты образования, к которым следует отнести, прежде всего, исключительно яркую характеристику домашнего, преимущественно помещичьего воспитания и обучения. Писатель уделил внимание также характеристике общего направления государственной политики в сфере образования.

Педагогические мотивы присутствуют уже в первом произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина, – «вольнодумной» повести «Запутанное дело», опубликованной в 1848 г. в журнале «Отечественные записки». Главный герой произведения, молодой человек Иван Мичулин, приезжает из деревни в Санкт-Петербург, чтобы «покорять» столицу. Полу-

ченное им образование никаким образом неприложимо к решению тех бытовых и профессиональных проблем, которые встают перед ним. Он никак не может понять, почему для него нигде *нет места*, несмотря на то, что он добронравен, никому не прекословит и постоянно смиряется перед трудностями. Жизнь перед Мичулиным всё чаще предстаёт в образе какого-то абсурдного «запутанного дела», жестокой лотереи, результаты розыгрыша которой не зависят от качеств и достоинств человека. Так разрушается в его сознании юношеский идеал посвятить себя служению *истине, добру, красоте...*

Повесть вызвала негодование императора Николая I, особенно возмущившегося тем, что начинающий писатель в своём произведении показал отсутствие социальных перспектив как раз у той части молодёжи, которая была бы готова откликнуться на призыв подвергнуть риску даже собственное благополучие и посвятить себя созидательной деятельности во имя создания лучшей жизни для простого народа. Автор крамольной повести был сослан в г. Вятку.

В своих выдающихся произведениях, таких как «Губернские очерки» и «Пошехонская старина», Салтыков-Щедрин даёт впечатляющую картину становления личности мелкопоместного дворянина; на его «мелкопоместность» указывает уже его фамилия, – Затрапезный. Даже названия разделов книги «Пошехонская старина» отчасти выглядят как главы учебника по педагогике: «Моё рождение и раннее детство. Воспитание физическое», «Воспитание

нравственное», «Первые шаги по пути к просвещению», «Дети. По пути предыдущего» и т. д. Повествование ведётся от лица главного действующего персонажа, Никанора Затрапезного. В семье дворян Затрапезных было девять детей, и они делились на любимчиков, «постылых» и «ни то ни сё». (К числу последних относил себя и Никанор). Свою «матушку» дети, и Никанор в том числе, боялись, как огня; «она являлась последнею карательною инстанцией и притом не смягчала, а, наоборот, всегда усиливала меру наказания», наложенные отцом [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 28].

«Телесные наказания во всех видах и формах являлись главным педагогическим приёмом. К сечению прибегали не часто, но колотушки, как более сподручные, сыпались со всех сторон, так что «постылым» совсем житья не было. «Я, – сообщает о себе Никанор, рос отдельно от братьев и сестёр, поскольку они были много старше, и потому менее других участвовал в общей оргии битья, но, впрочем, когда и для Никанора подоспела пора ученья, то, на его несчастье, приехала вышедшая из женского «института» старшая сестра, которая била его «с таким ожесточением, как будто мстила за прежде вытерпленные побои» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 28].

Благодаря этому «педагогическому приёму» во время классов раздавались неумолкающие детские стоны... «Это был подлинный детский мученик, – с горечью сообщает писатель, – Но сами создатели этого мученика отнюдь не признавали себя извергами – да и в глазах

посторонних не слыли за таковых. Просто говорилось: «С детьми без этого нельзя». И допускалось в этом смысле только одно ограничение: как бы не застукать совсем! Но кто может сказать, сколько не до конца «застуканных» безвременно снесено на кладбище? Кто может определить, скольким из этих юных страстотерпцев была застукана и изуродована вся последующая жизнь?» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 28].

Писатель отмечает, что несправедливые и суровые наказания ожесточали детские сердца, а поступки и разговоры, свидетелями которых были дети, развращали их. К сожалению, старшие даже на короткое время не считали нужным сдерживаться перед детьми, и без малейшего стеснения выворачивали «интимную подкладку» своих «откровений». Разговоры взрослых, – пишет Салтыков-Щедрин, – своим пошлым содержанием и формой засоряли детские мозги едва ли не сильнее, нежели самая жестокая брань. Эти разговоры всегда вращались вокруг двух тем: характеристики средств наживы и «сопряжённых с нею разнообразнейших форм объегоривания», и около «половых проказ родных и соседей». Взрослые оценивали моральный облик своих родственников и соседей следующим образом: «Любовники-то настоящие бросили, так она за попа принялась» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 31].

Цель воспитания родители – «мелкопоместники», и, разумеется, не только они видели в формировании у своих детей качеств стяжателя. «Ты знаешь ли, – говорит мать сыну

об одном из соседей, – как он состояние-то приобрёл?» И тут же следует объяснение всех подробностей стяжания, в которых торжествующую сторону представлял человек, который удостаивался таких определенных как «шельма» и «умница», а представителей проигравшей, обманутой стороны называли такими словами как «простофиля» и «дурак».

Неудивительно, что воспитанные таким образом дети постоянно рассуждают на тему, кому из них достанется та или иная деревня после смерти родителей. Они спорят и ссорятся по этому поводу, а потом приходят к выводу, что деревни с богатыми угодьями и плодородной пашней, с большим количеством крепостных крестьян перейдут по завещанию «любимчикам», а о «постылых» родители не позаботятся. Не случайно «матушка» порой обращалась к кому-нибудь из своих детей с такими словами: «Ты что глаза-то вытарасил? Чай, думаешь, скоро отец с матерью умрут, так мы, дескать, живо спустим, что они хребтом, да потом, да кровью нажили! Успокойся, мерзавец! Умрём, всё вам оставим, ничего в могилу с собой не унесём!» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 31]. В дополнение к этому добавлялась и угроза: «А хочешь я тебя, балбес, в Суздаль-монастырь сошлю? Да, возьму и сошлю! И никто меня за это не осудит, потому что я мать: что хочу, то над детьми и делаю! Сиди там да и жди, пока мать с отцом умрут, да именно своё тебе, шельмецу, предоставят» [Там же].

Акты насилия и жестокости маленький Никанор встречает на

каждом шагу. Вот он с матушкой отправляется в гости к «доброй тётушке» Анфисе Петровне, где встречается с картиной «такого возмутительного свойства», что мальчик останавливается как вкопанный, не веря своим глазам [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 116].

Что же такого необычного увидел молодой барчук? «У конюшни, на куче навоза, привязанная локтями к столбу, стояла девочка лет двенадцати и рвалась во все стороны... Солнце так и обливало несчастную своими лучами. Рои мух поднимались из навозной жижи, вились над её головой и облепляли её воспалённое, улитое слезами и слюною лицо. По местам образовались уже небольшие раны, из которых сочилась сукровица. Девочка терзалась, а тут же, в двух шагах от неё, преспокойно гуторили два старика, будто ничего необыкновенного в их глазах не происходило. Я сам стоял в нерешимости перед смутным ожиданием ответственности за непрошенное вмешательство, – до такой степени крепостная дисциплина смиряла даже в детях человеческие порывы. Однако ж сердце моё не выдержало: я тихонько подкрался к столбу и протянул руки, чтобы развязать верёвки. «Не тронь... тётушка забранит... хуже будет! – остановила меня девочка, – вот лицо фартуком оботри... И в то же время сзади меня раздался старческий голос: «Не суйся не в своё дело, пащёнок! И тебя к столбу тётушка привяжет!» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 116–117].

Реакция «тётушки» была такой: «А тебе, мой друг, не следовало

не в своё дело вмешиваться. В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Матушка «прибавила»: «Ты у тётенки в гостях и, стало быть, должен вести себя прилично, не след тебе по конюшням бегать. Сидел бы с нами или в саду бы погулял, – ничего бы и не было. И вперёд этого никогда не делай. Тётенка слишком добра, а я на её месте поставила бы тебя на колени, и дело с концом» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 118].

В главе «Мавруша-новоторка» писатель рассказывает печальную историю девушки, которая, будучи вольной мещанкой, вышла замуж за крепостного художника Павла, и, тем самым, «закрепостилась». Терпеть издевательства со стороны «матушки» она не захотела, и потому покончила с собой. Никанор интересуется, как будут хоронить Марфушу. «А вот завтра обернут в рогожу и свезут на болото», отвечала добрая «матушка» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 322]. Мальчик, конечно, думает, что она просто шутит. Однако на другой день он видит, что тело несчастной девушки действительно оборачивают дырявой рогожей и бросают в болото.

Писатель положительно оценивает усилия многих помещиков дать своим сыновьям приличное образование; желательно на казённый «кошелек», где-нибудь в кадетском корпусе; «но как только мало-мальски позволяли средства, так уже мечтался университет, предшествуемый гимназическим курсом» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 387]. О девушках речь не шла. Женских гимназий вообще ещё не было, а инсти-

туты (т. е. пансионы) были малочисленны, и «доступ в них сопрягался с немаловажными затруднениями» [Там же]. Но главным, по мнению Салтыкова-Щедрина, было то, что в середине XIX в. самой потребности в женском образовании, по его мнению, ещё не чувствовалось.

В главе «Первые шаги к просвещению» автор знакомит читателя с тем, как было принято начинать учение детей мелкопоместного дворянства. Герою минуло семь лет. «Матушка» решила обойтись без гувернёра, – дорого! – и поручила давать первоначальное обучение своему крепостному живописцу Павлу [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 67]. Учил он по-старинному – *азам*. На первой странице азбуки азы были напечатаны крупным шрифтом, и каждая буква соответствовала картинке: Аз – арбуз, буки – барин, веди – Вавило... На следующих страницах буквы были напечатаны всё более и более мелким шрифтом. За буквами следовали склады, потом слова и, наконец, целые изречения нравоучительного свойства. Этим азбука оканчивалась, а вместе с нею оканчивалась и «Павлова наука» [Там же, с. 69]. Оказывается, Павел умел писать только по-старославянски, а гражданскую печать «не разумел». Не владел он и элементарной арифметикой. Пришлось матушке самой заниматься с сыном. Она разлиновала тетрадь, отыскала на чердаке прописи, оставшиеся от старших детей, и Никанор засел за писание «палок» («Видишь, вот палки..., с них и копируй!»).

В те годы получение образования в пансионе (т. е. фактически в

гимназии) при Московском университете считалось делом очень престижным. Достаточно вспомнить отца Константина Дмитриевича Ушинского Дмитрия Григорьевича, который окончил именно этот пансион, и затем занимал важные армейские и гражданские должности, в том числе вице-губернатора и судьи. Считалось, что у него вполне достаточное для занятия таких должностей образование.

Полный курс обучения в пансионе включал восемь классов. Многие недостаточно подготовленные ученики, прежде чем приступить к обучению в пансионе, проходили предварительную подготовку в течение года в так называемом «приготовительном» классе. Требования к поступлению в этот класс были высокими: из Закона Божия – Ветхий завет до «царей» и знание «главнейших» молитв; из русского языка – правильное чтение и письмо, а также элементарные понятия о частях речи; из арифметики – первые четыре действия. Каких-либо знаний из истории, географии, иностранных языков и естественной истории, т. е. природоведческих понятий, не требовалось [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 70].

Для подготовки Никанора к обучению в подготовительном классе был приглашён священник из соседнего села Рябова отец Василий. После длительного совещания с «матушкой» условились, что он станет приезжать трижды в неделю на два часа занятий. «Плата за ученье была условлена в таком размере: деньгами восемь рублей в месяц, да два пуда

муки, да в дни уроков обедать за господским столом» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 71]. Первый час занятий посвящался повторению ранее заданного материала, а второй час обычно посвящался разговорам о церковных доходах и распределении их между священником, дьяконом и причётниками. Интерес к этой стороне приходской жизни, несомненно, был вызван «общим скопидомческим направлением семьи» [Там же, с. 72], с иронией сообщает автор.

С негодованием писатель-сатирик пишет о помещицкой «гаремной жизни» и подвергает критике «неопрятные взгляды на взаимные отношения полов» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 388]. Так, в новелле «Сельская учительница», входящей в произведение «Мелочи жизни», писатель даёт типичный портрет представительницы сельской интеллигенции. Анна Петровна получила диплом учительницы и была направлена в село. Квартира её прямо при школе, обедать она ходит к местному священнику за пять рублей в месяц, а всего её жалованье – 15 рублей. Подношения в виде продуктов питания со стороны зажиточных родителей она отвергает, и вообще «держит себя в строгости». Ей удаётся наладить и дисциплину в классе и «правильное ведение учения». За строгим соблюдением программы, в особенности в смысле её «нерасширения», следил местный батюшка. Попечителем школы состоял сельский староста, а высший надзор был предоставлен помещику, который годами жил за границей, но изредка навещался и в усадьбу. В один из таких приездов он увидел

Анну Петровну, соблазнил её и... уехал. Забеременевшей женщине не стало прохода в селе. Даже священник отвернулся от неё. Все, – включая учеников, – «поздравляли» её «с приплодом». Не найдя для себя другого выхода, несчастная покончила с собой [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 9, с. 286].

В новелле под названием «Чудинов» писатель подробнейшим образом раскрывает страдальческий путь двадцатилетнего молодого человека, выпускника гимназии Николая Чудинова, который стремится получить высшее образование, и ни где-нибудь, а именно в столичном университете. Он игнорирует доводы своего отца, успешного чиновника уездного масштаба, обещающего устроить Николая на доходную должность в полиции, земстве и «любом другом месте». Ему, главному бухгалтеру казначейства, обязательно пойдут навстречу. Однако Николай не слышит никаких «резонансов», принимает родительские двести рублей и отправляется, как это принято у молодёжи во все времена, «покорять» столицу. На первых порах у него всё складывается вроде бы благополучно: он устраивается на квартиру к доброй женщине, оплачивает учёбу в первом семестре, приобретает необходимую униформу и с удовольствием посещает занятия. Пополнение своих средств молодой человек видит в получении «урока». Однако оказывается, голодных студентов, желающих иметь купеческих «недорослей» в качестве учеников, гораздо больше, чем самих этих «митрофанушек». В итоге деньги закончились, Чудинов всем

задолжал, от недостатка питания заболел и умер. Так закончилось его «университетское образование». «Ещё жить не начинал, – и вдруг смерть!», с горечью замечает автор [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 9, с. 209].

М. Е. Салтыков-Щедрин даёт пример «чистой, высоконравственной, почти непорочной личности» в лице Валентина Бурмакина, ученика профессора Московского университета М. Т. Грановского и публициста В. Г. Белинского («неистового Виссариона»). Благодаря таким беззаветным идеалистам, как Бурмакин, «во тьме сороковых годов просиял луч света и заставил волноваться отзывчивые сердца», пишет Салтыков-Щедрин [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 461]. В то же время писатель с горечью отмечает, что «как ни безупречна была, в нравственном смысле, убеждённая восторженность таких людей, как Бурмакин, все они страдали существенным недостатком. У них не было реальной почвы. Истина, добро, красота, – вот идеалы, к которым тяготели лучшие люди эпохи, но, к сожалению, осуществления их они искали не в жизни, а исключительно в области искусства» [Там же, с. 462].

В противовес Бурмакину Салтыков-Щедрин даёт позитивный образ домашней учительницы Марьи Золотухиной, которая хотя и имела усадьбу и сорок десятин земли, но была вынуждена зарабатывать на жизнь педагогическим трудом. Она, – пишет Салтыков-Щедрин, характеризуя свою героиню, – была *толковита, советлива, осторожна*. Не всякое слово, какое на язык попало, выкладывала; вестей из дома

в дом не переносила и вообще старалась держать себя не как приживалка, а как гостя, на равной ноге с хозяевами [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 10, с. 503].

Вышеприведённые примеры убедительно показывают, что своё отношение к проблемам воспитания и образования Салтыков-Щедрин показывал посредством литературной обработки реальных фактов, которые становились ему известны в период его работы в качестве чиновника в ряде российских губерний. Они показывают, что писатель глубоко ненавидел крепостнический строй; осуждал безграмотность, предрассудки, отсутствие школьного образования и квалифицированных учителей, а потому всеми силами своего огромного таланта боролся за утверждение и практическое осуществление идеалов просвещения прежде всего в среде простого народа.

Обсуждение результатов. По прибытии в ссылку в губернский город Вятка Салтыков-Щедрин, как выпускник лицея, т. е. лицо, приравняемое к имеющим высшее образование, был сначала назначен младшим чиновником канцелярии губернского правления, а уже в ноябре того же года его повысили до должности старшего чиновника особых поручений при губернаторе. В Вятке он познакомился со своей будущей женой Елизаветой, дочерью вятского вице-губернатора Аполлона Николаевича Болтина.

Рис. 1. М. Е. Салтыков-Щедрин и его жена Елизавета Аполлоновна, в девичестве Болтина

По делам службы Михаил Евграфович много времени проводил в поездках по губернии, общаясь с вятскими жителями: помещиками, крестьянами, чиновниками, держателями трактиров, торговых лавок и постоялых дворов. В итоге он собрал огромный массив материала, который воплотился в произведение «Губернские очерки». В этой книге он изобразил Вятку под названием Кругогорска. Писатель нарисовал жизнь местного общества, вывел галерею дельцов и хапуг, бюрократов и взяточников, противопоставляя им людей из народа, которых он изобразил с глубокой симпатией и сочувствием [Эммаусский, 2009, с. 162].

Рис. 2. Дом в г. Вятка, на Николаевской (ныне им. Ленина) улице, в котором жил М. Е. Салтыков-Щедрин. Ныне в нём располагается музей писателя

В произведении «Мелочи жизни» писатель так вспоминает о своей жизни в Вятке: «Целых восемь

лет я вёл скитальческую жизнь в глухом краю... Был и украшением общества, и заразою его; и удачи, и невзгоды – всё испытал... Конца этому положению я не предвидел... Я оставил далёкий город точно в забытьи. В то время там ещё ничего не было слышно о новых веяниях, а тем более о каких-то ломках и реформах [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 9, с. 408].

«Существование моё, – вспоминал писатель, – было однообразное, подневольное и шло из дня в день в совершенно чуждой среде [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 9, с. 414]. Упомянув о «ломках и реформах», Салтыков-Щедрин имел в виду, разумеется, великие реформы императора Александра II (освобождение крестьянства (1861) и введение земских учреждений (1864–1867)), которые дали сильный толчок к экономическому и культурному развитию России. Реализация на практике этих реформ породила, как известно, серьёзную потребность в значительно более качественном, нежели прежде, образовании широких слоёв населения страны, и в особенности непривилегированных сословий, а также женщин, взрослых и нерусских народов.

Будучи достаточно высокопоставленным чиновником губернского масштаба в годы своей вятской ссылки (1848–1855) Салтыков-Щедрин был, несомненно, хорошо осведомлён о состоянии дела просвещения в Вятской губернии, поскольку именно он готовил статистические отчеты и доклады губернатора для отправки их в Санкт-Петербург.

Педагогические вопросы его, конечно, занимали, и в своих произведениях он достаточно много писал

о проблемах воспитания и образования. При этом в своих многочисленных произведениях, составивших в общей сложности двадцать томов, он, как это ни покажется странным на первый взгляд, даже не упоминает о роли высших должностных лиц Вятской губернии в деле развития местного образования. При этом Салтыков-Щедрин служил в Вятке при трёх губернаторах, и о каждом из них у него сложилось положительное мнение как об администраторе и человеке. Кратко расскажем о каждом из них.

Аким Иванович Середа (1797–1852) был родом из дворян Полтавской губернии. Окончил кадетский корпус, участвовал в боевых действиях на Кавказе. Губернатором в Вятский край был назначен в 1843 г. Строгий и требовательный к подчинённым, он оказался толковым администратором: навёл порядок в присутственных местах и судебных учреждениях, возродил деятельность статистического комитета. В 1848–1849 гг. он принял энергичные меры против эпидемии холеры. При его поддержке было открыто Вятское благородное собрание. Почти три года М. Е. Салтыков-Щедрин служил под началом А. И. Середы и видел в нём не только справедливого начальника, но и друга, глядевшего на него «почти как на члена своего семейства». Впоследствии он писал о Серede: *«Я до конца жизни буду... благоговеть перед памятью этого святого и бескорыстного человека... Я сделался вполне деловым человеком, ... и всем этим я вполне обязан Серede»* [Ба, знакомые

всё лица]. Писатель «списал» с Середы генерала Голубовицкого, одного из немногих положительных героев своих произведений.

А. И. Середу сменил Николай Николаевич Семёнов (1851–1857), при деятельном участии которого в 1857 г. в Вятке был открыт детский приют. Семёнов отображён в очерке «Тяжёлый год». Наконец, Николай Михайлович Муравьев (1819–1867) служил в Вятке губернатором в 1857–1859 гг., а затем был назначен Рязанским губернатором, причём вице-губернатором при нём служил Салтыков-Щедрин.

Мы полагаем, что если бы кого-то из этих высокопоставленных чиновников действительно занимали вопросы образования населения возглавлявшейся ими губернии, Салтыков-Щедрин, несомненно, нашёл бы возможность упомянуть об этом в своих произведениях. Таким образом, несмотря на вполне положительное отношение к вятским губернаторам, писатель вовсе не считал нужным как-то увязывать годы их пребывания «на Вятке» с делом просвещения населения вверенной им губернии.

Заслуживает внимания и такой факт. Вятская мужская гимназия в период пребывания М. Е. Салтыкова-Щедрина в вятской ссылке (1848–1855) была *единственным* на всю обширную губернию средним общеобразовательным учебным заведением, а её учителя представляли собой количественно очень немногочисленную группу местной интеллигенции. Казалось бы, чем не благодатная почва для литературного

творчества. Тем не менее, о гимназии Салтыков-Щедрин даже не упоминает в своих многочисленных повестях и рассказах. Невольно встаёт вопрос, чем объясняется такое, на первый взгляд, более чем странное игнорирование писателем всех тех значительных и интересных фактов, которые неизбежно проявлялись в деятельности столь важного для губернии учебного заведения, каким являлась в те годы гимназия?

Причина, по нашему мнению, заключается, главным образом, в том, что именно в годы пребывания писателя в Вятке гимназия возглавлялась людьми, мало подходившими к исполнению обязанностей директора и наставника юношества. При этом писателю не хотелось в сатирическом плане, – а у него все произведения сатирические, – представлять на суд читателей учителей этого учебного заведения, – *рядовых* представителей просвещения, которые ежедневно, на протяжении многих лет вели борьбу с неграмотностью, невежеством, бескультурьем и т. п. И если даже кто-то из них, этих скромных поборников просвещения, возможно, и заслуживал некоторой критики в свой адрес, например, в плане недостаточной профессиональной подготовленности, то это не было, чаще всего, его личной виной, а являлось следствием каких-то более общих обстоятельств, можно даже сказать государственного уровня, в частности, принижённое социальное положение учительства, бедность, сложности в получении надлежащего профессионального образования и др. В подтверждение высказанного нами мнения о том, что Салтыков-

Щедрин намеренно не писал о гимназии, приведём краткие характеристики её руководителей в годы пребывания писателя в Вятке.

Но сначала небольшой экскурс в предшествующий вятской ссылке писателя период, когда гимназией руководил, в 1835–1846 гг., известный педагог Михаил Васильевич Полиновский. Это был поистине период «страха и трепета» для некоторых учителей, которых деятельный и энергичный директор отправил в отставку, в том числе, вятского «знакомца» А. И. Герцена Андрея Ефимовича Скворцова [Помелов, 2019а, с. 20]. Скворцову «лондонский изгнанник» посвятил несколько строк в своих мемуарах «Былое и думы», назвавшего при этом «лучшим жителем Вятки» [Герцен, 1961, с. 151]. М. В. Полиновский провёл капитальный ремонт гимназии и добился приобретения ещё одного каменного здания для нужд гимназии, которое, кстати, служит делу образования до сих пор. Он стремился к знакомству с губернатором (в 1840–1842 гг.) Александром Николаевичем Мордвиновым, который, по воспоминаниям сына директора Александра, заходил к ним домой запросто. М. В. Полиновский устраивал дружеские посиделки, на которых чиновники и гимназические учителя тесно общались.

А. М. Полиновский следующим образом вспоминал о вечеринках, проводившихся его отцом: «Бывал и советник Макаров, окрещённый Салтыковым в «Губернских

очерках» Порфирием Петровичем, и, наконец, советник губернского правления Григорьев, представлявший собой уже совершенно гоголевский тип. Учёных разговоров эта компания не вела, а, выпив три или четыре пунша, садилась за зелёный стол. Играли всегда в бостон, чрезвычайно тонкую, интересную игру, представлявшую собой соединение виста и преферанса. Вечер завершался обильным ужином с серьёзной выпивкой» [Вятка, 1890, с. 18]. Период процветания гимназии завершился с выходом директора М. В. Полиновского в отставку¹.

Приходится признать, что именно годы пребывания писателя в Вятке совпали с далеко не самым благоприятным периодом в истории этого учебного заведения. Об этом достаточно наглядно можно судить, исходя из характеристик, которые современники давали тогдашним директорам гимназии. Следующий после Полиновского директор Пётр Гаврилович Скорняков был воспитанником Симбирской гимназии. В Вятку он приехал уже совершенно больным, и вскоре умер (26 февраля 1848 г.). Скорняков отличался неумеренной строгостью, находился неотлучно с учениками и не разрешал даже во время перемены вставать с места, что при крайней тесноте помещения, и при отсутствии рекреационной залы было чрезвычайно тяжело и возбуждало против него всеобщую ненависть. По воспо-

¹ М. В. Полиновский в дальнейшем проживал в г. Чебоксары. Его племянник, сын сестры, Сергей Андреевич Нурминский, выдающийся

просветитель нерусских народов Среднего Поволжья, прежде всего марийцев, впоследствии также был директором первой Вятской мужской гимназии [Помелов, 2018].

минаниям современника, тогдашнего ученика Матвея Матвеевича Синцова (1835–1910)¹, Скорняков «выступал тихонько», появлялся среди учащихся «для распекания и наказания без пощады», так, что ему было бы надлежащее место скорее в каком-нибудь смирительно-лечебном заведении, а не в гимназии. Говорил он тихо, почти шёпотом, но ученики прямо белели при обращении к ним директора. Тогда последний шептал: «Что это вы, мой милый, такой жёлтый...» [Васильев, 1911, с. 64].

«Лучшие годы» П. Г. Скорнякова прошли в Казани, где он ранее служил инспектором 2-й Казанской мужской гимназии. Там в отношении учеников постоянно применялись физические наказания. Строгость наказания для провинившихся была необычайной даже для того сурового времени. Скорняков любил ловить виновных на месте преступления и затем мучил свою жертву, наслаждаясь её страданиями. Для того чтобы иметь возможность подкрасться к ученикам неожиданно и поймать их на какой-нибудь шалости, он носил специально пошитые сапоги с мягкой подошвой, без подборов, т. е. без металлической подковки. Такая обувь, конечно, менее устойчива в скользкую погоду, зато позволяет неожиданно появляться перед перепуганными детьми и заставить их врасплох. Профессор Казанского университета, бывший ученик 2-й Казанской гимназии Е. П. Янишевский

вспоминал: «Трудно забыть эту физиономию с белыми злыми глазами, которые, кажется, никогда в жизни не улыбались и не смотрели ласково на учеников, с мягкими, неслышными движениями животного кошачьей породы. С ужасом, бывало, нечаянно оглянувшись, увидишь этого хищника, подкрадывающегося к стеклянной двери класса. Виновный обычно подвергался сечению, и нужно было видеть, с каким удовольствием занимался Скорняков этим любимым делом. Сечение всегда продолжалось очень долго. Давши пять, шесть розог Скорняков останавливал слугу и начинал увещевания, потом пять, шесть розог, опять увещевания и т. д...» [Воспоминания..., 1890].

В Вятской гимназии в те годы, как и по всей России, также активно применялись «телесные» наказания. Сечение, чаще всего, практиковалось во время уроков учителя Н. А. Борнгардта. Жестокостью в обращении с учениками отличался учитель математики К. Л. Деревянко, а учитель Шилов в класс обыкновенно приходил с верёвкой в кармане для собственноручной расправы. Он любил ставить учеников на горох. Даже у «добродушного», всегда ласково улыбавшегося детям учителя Крылова, – вспоминал позднее А. М. Полиновский, в те годы учащийся гимназии, – были свои «ликторы»², которых он назначал, делая свой выбор из учеников с садистскими наклон-

¹ Окончил гимназию (1854) и Московский университет (1861). Первый председатель Вятской губернской земской управы.

² Ликтор (лат. *lictor*) – особый вид госслужащих в Древнем Риме, которые сопровождали высших гражданских и военных лиц и жрецов.

ностями, и, как правило, из великовозрастных второгодников. При всей своей кажущейся незлобивости Крылов считал нужным прибегать к обычному для того времени наказанию розгами. Лентяев он усаживал за особый стол и приговаривал, – «Коснуться разве сих гениальных особ», – и затем вызывал «для ответа» кого-нибудь из этих мальчиков, специально приготовленных им для расправы, прекрасно понимая, что он не готов отвечать заданный урок. Результат был предрешён заранее, и два ученика, на которых лежала обязанность сечь, называемые Крыловым ликторами, уже сладострастно оскаливаясь, поглядывали на печку, где хранились розги летом, или на доску, где лежали эти орудия зимой» [Помелов, 2019b, с. 172]. Неудивительно, что при таком положении дел в гимназии, главным злом, с которым педагоги ежедневно пытались бороться, было «нехождение в классы». Особенно боялись показываться «в классах» младшие ученики, и, разумеется, те, кто по каким-то причинам «не приготовил урок».

В 1848–1850 гг. директором был Николай Степанович Дмитриевский, громогласный, широкоплечий, высокий седой старик с баками, придававшими ему «львиный вид». В молодости он окончил Казанский университет, затем служил преподавателем латыни в Пензенской и Симбирской гимназиях, инспектором народных училищ в Астрахани и Пензе. Дмитриевский стремился проявлять

заботу об учащихся, но преподаватели и учащиеся его не особенно слушались. Он был слишком стар и болен. В августе 1850 г. он выехал в Казань на консультацию к врачам и уже не вернулся в Вятку. Той же осенью он скончался [Помелов, Первая..., 2011, с. 88].

Николай Николаевич Позняков был назначен директором Вятской гимназии 12 марта 1850 г., ещё при Дмитриевском, и выполнял эти обязанности по 1856 г. Уроженец Нижнего Новгорода, выпускник Санкт-Петербургского университета, учитель латыни в Вологодской гимназии. Далее в 1831–1839 гг. он служил инспектором в Олонецкой губернии, с 1845 г. был директором народных училищ Херсонской губернии. Назначение на должность директора гимназии, да еще в далёкой Вятке, он посчитал едва ли не ссылкой. По воспоминаниям современников, он держал себя так, что его боялись и учителя, и учащиеся. В то время как все его предшественники были, неразлучны с детьми, Позняков общался учениками крайне редко, всего два – три раза в год! Пока он спускался из своих апартаментов в классы, об этом подавалась весть гонцами; инспектор бегал из кабинета в кабинет, и сдавленным голосом восстанавливал тишину. Директор являлся в классы не иначе как в сопровождении инспектора, а надзиратель дежурил у двери. Как бы долго директор ни находился

Они несли на левом плече в качестве знака власти фасции, – связки прутьев и топор, исполняя в случае необходимости обязанности палача. Вначале в России ликторы появились в

духовных училищах (бурсах); в их обязанности входило наказывать розгами провинившихся товарищей.

в классе, никто не осмеливался садиться в его присутствии. В то же время, к чести Познякова следует отметить, что именно при нём было положено начало ученической библиотеке: раньше были только фундаментальная и «продажная», а вот средств на основание ученической библиотеки не было. Директор предложил устроить в 1851 г. с этой целью подписку, и дело сдвинулось с мёртвой точки [Помелов, 2011b, с. 88]. В то же время как положительную сторону работы гимназии необходимо отметить тот факт, что коллектив гимназии принимал участие в общественно-политической жизни страны, проявлял свои патриотические чувства¹.

Охарактеризованные выше директора Вятской мужской гимназии ни в коей мере не могли по своим личным и профессиональным качествам служить каким бы то ни было примером для своих коллег и учащихся; поэтому они и не стали героями произведений Салтыкова-Щедрина. Писателю было просто не с кого писать положительного героя. Представляется возможным и другое объяснение. В Вятке писатель отбывал ссылку как раз за критическое отображение российской педагогической действительности. Сатирическое отображение, – а другого быть не могло!, – руководителей гимназии вполне могло усугубить его собственное положение как ссыльного.

¹ В 1854 г. учителя и ученики собрали 400 руб. в пользу раненых в Крымской войне. Выпускники гимназии Валерьян Пупырев, Самуил Тимкин и Алексей Хохряков (выпуск 1848 г.), Николай Фомин (выпуск 1846 г.), окончившие медицинские факультеты, ушли на войну врачами, а Павел Халтурин (выпуск 1843 г.) и

Таково мнение автора данной статьи.

В то же время, вопрос образования и, в особенности, воспитания нашёл-таки своё достойное отражение в творчестве писателя. Писатель проявлял своё видение проблем воспитания через показ и характеристику многочисленных примеров, в основном отрицательных, того, как это воспитание осуществляется у представителей различных социальных слоёв населения. При этом следует выделить, прежде всего, такой его аспект, как семейное воспитание мелкопоместных дворян, к которым принадлежал и сам Салтыков-Щедрин, и потому особенно глубоко знавший эту сторону жизни. Также его занимали судьбы несчастного российского учительства. Именно на эти две стороны педагогической проблематики писатель и направил свой полемический и сатирический пыл, гражданский гнев и творческий потенциал.

Заключение. Таким образом, цель статьи, заключающаяся в характеристике особенностей отражения проблемы воспитания и образования в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, достигнута. Выдающийся русский писатель своими произведениями способствовал утверждению в общественной мысли России второй половины XIX в. идеи полноценного и распространяющегося на все социальные слои образования. Именно во

Леонид Корякин (выпуск 1854 г.) – офицерами; Корякин погиб при обороне Севастополя [Помелов, 2011a, с. 322–323]. В последующие годы некоторые выпускники гимназии проявили себя героями в военных конфликтах. Так, Анатолий Редкин, лейтенант флота, погиб во время Цусимского сражения на броненосце «Суворов» [Помелов, 2017, с. 70].

всемерном распространении образования он видел залог улучшения жизни крестьянства. Поэтому содержанием своих произведений он стремился вызвать у читателя чувство негодования по отношению к «сильным мира сего», – помещикам, купцам, кабатчикам и др., поскольку видел в них целую «корпорацию», противостоящую развитию природных дарований народа, и, распространению в нём просвещения. Наследие М. Е. Салтыкова-Щедрина многогранно; оно ни в коей мере не утратило своей актуальности в наши дни и заслуживает изучения и в том числе в плане его использования в воспитании и обучении подрастающего поколения.

Память о М. Е. Салтыкове-Щедрина сохраняется в городе Кирове (бывшей Вятке), в котором в 1968 г. был открыт существующий и поныне дом-музей выдающегося русского писателя-сатирика.

Список литературы

1. Ашевский, С. Педагогические материалы в сатирах М. Е. Салтыкова / С. Ашевский // Русская школа. – 1913. – № 1-2.
2. Васильев, М. Г. История Вятской гимназии за 100 лет её существования / М. Г. Васильев. – Вятка : Губ. тип., 1911. – 210 с.
3. Воспоминания старого Казанского студента. 2-я Казанская гимназия. 1746–1848 // Волжский вестник. – 1890. – № 306. – С. 3–6.
4. Вятка и Вятская гимназия // Волжский вестник. – 1890. – № 251. – С. 16–20.
5. Герцен, А. И. Письмо Н. А. Захарьиной. 21 марта 1837 г. / А. И. Герцен // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 21. – Москва, 1961. – С. 151–152.
6. Егоров, О. Г. Педагогические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина / О. Г. Егоров // Педагогика. – 2012. – № 8. – С. 94–105. – EDN PGWMDV.
7. Павлова, И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи / И. Б. Павлова. – Москва : Наследие, 1999. – 152 с. – EDN VUNIWB.
8. Петряев, Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке / Е. Д. Петряев. – Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. – 109 с.
9. Полякова, О. А. Художественное воплощение темы детства и воспитания в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина / О. А. Полякова // Вестник гуманитарного образования. – 2024. – № 3 (35). – С. 148–155. – DOI: 10.25730/VSU.2070.24.049. – EDN JZPAM.
10. Помелов, В. Б. Военно-патриотическое воспитание в I-й Вятской мужской гимназии / В. Б. Помелов // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2 (6). – С. 68–73. – EDN YUFDHP.
11. Помелов, В. Б. Выдающийся просветитель нерусских народов Среднего Поволжья С.А. Нурминский / В. Б. Помелов // Вопросы педагогики. – 2018. – № 9. – С. 92–95. – EDN YAQRZ.
12. Помелов, В. Б. Из истории Вятской мужской гимназии / В. Б. Помелов // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2011 г. : информ.-стат. сб. / ред. колл.: Н. И. Зорин (пред.) [и др.]. – Киров, 2011а. – С. 319–326.
13. Помелов, В. Б. Первая Вятская мужская гимназия: к 200-летию со времени открытия / В. Б. Помелов // Герценка: Вятские записки : научно-популярный альманах. Вып. 20 / ред. колл.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. – Киров : ИД «Герценка», 2011б. – С. 82–104.
14. Помелов, В. Б. Просветители и педагоги-методисты Вятского края / В. Б. Помелов. – Киров : Вятский государственный университет, 2019а. – 174 с. – EDN IUUGBN.
15. Помелов, В. Б. Просвещение в Вятском крае (XIV – начало XX в.) : монография / В. Б. Помелов. – Киров : Вятский государственный университет, 2019б. – 254 с. – EDN SSIEGF.

16. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 10-ти т. Т. 9. Мелочи жизни / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Правда, 1988. – 560 с.

17. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 10-ти т. Т. 10. Пошехонская сторона / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Правда, 1988. – 576 с.

18. Скоробогатова, Е. А. Детские образы в русской литературе второй половины XX века (инварианты и варианты) / Е. А. Скоробогатова // Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2015. – № 2 (55). – С. 50–53.

19. Шестакова, Е. Ю. Концепция

детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века) / Е. Ю. Шестакова // Филологический класс. – 2006. – № 16. – С. 27–30. – EDN OZQJKF.

20. Эммаусский, А. В. Исследования по истории Вятской земли / А. В. Эммаусский. – Киров : ВятГГУ, 2009. – 320 с.

Список источников

1. Ба-знакомые-все-лица-вятские-прототипы. – URL: <https://www.pushkin-vyatka.ru/ба-знакомые-все-лица-вятские-протот/> (дата обращения: 10.11.2025).